

Э. П. Бакаева. Рец. на: *Б. Р. Зориктуев. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят*. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.

Исследование вопросов, связанных с этногенезом и этнической историей монголоязычных народов в контексте взаимодействия с народами Евразии, продолжает оставаться одним из наиболее актуальных направлений современного востоковедения. В последние десятилетия появился большой ряд трудов [Авляев 2002; Буряты 2004; Викторова 1980; Дашибалов 2005; Дугаров 1983; Зориктуев 1997, 2011; Калмыки 2010; Коновалов 1999; Нанзатов 2005; Нимаев 1988, 2000; Павлинская 2008; Очир 1993; Очиров 2010; Санчилов 1990, 2010; Эрдниев 1970; и др.], продолжающих и углубляющих исследования, предпринятые отечественными учеными в прошлом. Однако многие вопросы, связанные с происхождением монголов, остаются неразрешенными. Речь идет как о недостаточной исследованности вопросов ранней истории монголов, так и о том, что учеными в различной степени изучалась этническая история разных народов монгольского круга. Так, высказываются различные мнения по вопросу о ранней территории расселения монгольских этнических общностей, локализации их прародины, о времени сложения отдельных монголоязычных этносов, происхождении этнических групп и др.

В целом проблематика, связанная с исследованием этнической истории, весьма обширна. Она определяет необходимость применения комплексного анализа огромного количества источников и междисциплинарного подхода и обобщения результатов анализа источников.

Монография Б. Р. Зориктуева «Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят» обобщает результаты многолетних исследований автора по вопросам этногенеза и этнического развития монголоязычных народов. В книге анализируются, как пишет автор, «узловые проблемы» этнической истории монгольского и бурятского народов. Основная тематика, исследуемая Б. Р. Зориктуевым в данной работе, связана с ранним этапом формирования монгольской этнической общности, а также с вопросами сложения бурят.

Рецензируемой монографии предшествовал ряд публикаций Б. Р. Зориктуева, в которых автор апробировал основные результаты исследований и обосновал соб-

ственный взгляд на раннюю историю монголов и основные этапы сложения бурятской общности [Зориктуев 1996, 1997, 2003, 2004, 2011, 2011a, и др.]. Исследование большого спектра вопросов, связанных с осмыслением актуальных проблем этнической истории монголов и бурят, обобщено в монографии в три блока.

Первый блок проблем анализируется в контексте монголоведческих исследований раннего этапа истории монголов, названного автором «эргунэ-кунским» (с VI века — т. е. после разгрома тюркскими племенами жуужаней — и до рубежа VIII–IX вв., когда после падения в 745 г. Восточнотюркского каганата монголы совершили миграцию к Онону). Второй блок проблем касается следующего этапа этнической истории монголов, а также социально-политических изменений, связанных с историей монгольских народов, объединившихся в рамках монгольского государства, по мнению автора, в единый монгольский суперэтнос. Третий блок проблем, исследуемых в монографии, связан с периодизацией этнической истории бурят, определением сущности трансформационных процессов, происходивших в Предбайкалье и Забайкалье на разных этапах формирования народа.

Книга основана на широком круге источников. Автор акцентирует внимание на необходимости при изучении раннего этапа этнической истории обращения к самым ранним письменным источникам (и прежде всего к «Сборнику летописей» Рашид-ад-дина и «Тайной истории монголов»), критически осмысливая данные более поздних летописей. Источниковая база существенно расширена за счет полевых материалов, собранных автором во время экспедиций в северо-восточный Китай.

Учитывая значимость и актуальность тематики, связанной с исследованием раннего этапа этнической истории монголов, Б. Р. Зориктуев обращается к проблеме локализации упоминаемой в источнике местности Эргунэ-кун и датировки пребывания монголов в данной местности. Рассмотрев все известные данные по вопросу, автор на основе анализа «Сборника летописей» Рашид-ад-дина и с привлечением данных «Тайной истории монголов», а также материалов топонимии Приамурья приходит к

выводу, что в средневековье гидроним Эргунэ был названием р. Аргунь, а местность на правом берегу реки носила имя Эргунэ-кун [Зориктуев 2011: 41]. Этимология названия местности связана с возвышенными местами с крутыми склонами, затруднявшими доступ к ней, что немаловажно, поскольку поселение в этом месте состоялось после бегства монголов под напором других народов¹.

При изучении вопроса о времени прихода предков монголов в восточные районы Б. Р. Зориктуев на основе сопоставления данных Рашид-ад-дина и «Родословной истории о татарах» Абуль-Гази доказывает, что гипотеза Л. Билэгта об уходе монголов в Эргунэ-кун в первой половине IV в. недостаточно обоснована. Не соглашается ученый и с предположением монгольского ученого Г. Сухэбатара [Сүхбаатар 1971] о том, что бегство в Эргунэ-кун явилось результатом вражды между хунну и сяньби. По мнению автора, приход в местность Эргунэ-кун состоялся в начале второй половины I тыс. н. э. (из-за разгрома предков монголов тюрками, о чем свидетельствуют источники) и ознаменовал начало сложения группы родов дарлекин, ядром которой являлся род *чино* (или *нукуз* по «Сборнику летописей» Рашид-ад-дина). В этот период,

¹ Отметим, что в контексте с определением географических реалий, упоминаемых в ранних письменных источниках о монголах, приобретают актуальность исследования, связанные с возможностью поисков подобных реалий, соответствующих местностям, упоминаемым в фольклоре. Так, нами было высказано предположение о возможной локализации в Приамурье географического объекта (горы *Маңхн Цаган*), выступающей как маркер этнической территории в калмыцком героическом эпосе «Джангар» [Бакаева 2008]. Эпос существует в исторически сложившихся фольклорных формах, и в нем могут отражаться реалии, окружавшие его создателей. В литературе, посвященной путешествиям в Приамурье, отмечаются горы Мангу и Цагаян, в районе которых река Амур, поворачивающая русло на юг, весьма опасна для проживающих в южной части и безопасна для проживающих выше по течению. Такое положение гор (маркеры центра в традиционных культурах) символично в аспекте противопоставления народов, проживающих на данной территории, что является одним из критериев выбора географических объектов в качестве маркеров этнической территории.

как известно, впервые и зафиксирован этноним *монгол*.

Появление термина *монгол* связано с ранним периодом истории формирования ядра монгольского народа, потому вопрос о его этимологии является чрезвычайно важным. Б. Р. Зориктуев рассматривает около 15 гипотез о семантике этнонима и приходит к выводу о его взаимосвязи с названием р. Мангу. Именно так называли тунгусо-маньчжурские народы весь Амур, а в бассейне правобережья Аргуни существовал гидроним Мангу, обозначавший реку, позже переименованную китайцами в р. Цзильхэ, что является калькой тунгусского слова *мангу* — «быстрая река» [Зориктуев 2011: 41]. Слово *монгол* автор возводит к форме *мангол*, этимологизируя последнюю «люди, живущие на быстрой реке Мангу». Б. Р. Зориктуев считает, что форму *монгол* этноним приобрел после XIII в. в результате собственного развития. Калькой этнонима тунгусского происхождения (*мангол/монгол*) автор считает монгольский термин *киян* (со ссылкой на Рашид-ад-дина Б. Р. Зориктуев отмечает, что *киян* — «большой поток», текущий с гор в низину, бурный, быстрый и сильный), от которого образовано множественное число *кият*. По мнению ученого, оба термина являлись прозвищами одного народа, жившего «по быстрой реке», но отличие *кият* от *мангол* состояло в том, что один из них развился в этноним; в ходе развития произошло переосмысление слова *кият*, и оно стало именем одного из родоначальников монголов: «Так рядом с легендарным Нукузом появился такой же легендарный Киян, оба они, по сложившемуся в Эргунэ-куне преданию, привели туда бежавших от гибели сородичей. Однако в итоге за обитателями этой местности окончательно закрепилось полученное от соседних племен прозвище мангол» [Зориктуев 2011: 48]. Выводы Б. Р. Зориктуева соответствуют его концепции, развивающей положение об изначальном приходе в местность Эргунэ-кун рода *чино*, составившего основу дарлекинских родов. Соответственно, пишет автор, союз мифических предков Чингис-хана — Борте Чино и Хоай Марал — рассматривается как передача данных о сложении этнической общности в иносказательной форме: мужской предок олицетворял дарлекинские рода монголов Эргунэ-куна, которые восходили к племени *чино*, а

предок по женской линии — тюрко-телеский этнос, проживавший около Байкала.

В этой связи отметим, что этимология этнонима *монгол*, поддерживаемая автором рецензируемой монографии, получила развитие в работах Н. Б. Дашиевой, разрабатывающей проблематику, связанную с тотемическими верованиями монголов. Согласно ее исследованиям, значение слова *мангу* связано с обозначением медведя; потому этимология термина *монгол* — «живущие по реке *мангу* (медведя)» [Дашиева 2001]². Однако в работе Б. Р. Зориктуева данная концепция не рассматривается, и в библиографическом списке отсутствуют работы Н. Б. Дашиевой. В рецензируемой монографии также не упоминается книга Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой «Империя Чингис-хана» (М., 2006), хотя отмечены другие труды этих ученых. Однако для проблемы выявления значения терминов *кият*, *нукуз*, *монгол* указанная работа имеет большое значение. По мнению Т. Д. Скрынниковой, исследование «Сборника летописей» показывает, что его автор, оперируя этническими терминами, моделирует социокультурное пространство. В монгольском государстве актуальными были матрилинейное родство (происходила трансляция имени *монгол* в генеалогии по женской линии, в частности потомки Алан-Гоа — *нируны* — считались чистыми монголами) и патрилинейное родство, по которому выстраивалось генеалогическое древо тайджитов. После покорения Чингис-ханом тайджитов наблюдалось «приписывание или присвоение монголами первопретка» (т. е. речь идет о «монголизации» Борте Чино) [Крадин, Скрынникова 2006: 167]. «... можно выделить основные элементы идентификационной практики: подчеркивание этнических границ — *монголы* вообще, они же — *дарлекин*; выделение иной властвующей элиты (не потомки Борте-Чино по мужской линии) через матрилинейную систему родства (*нирун*), в которой, в свою очередь, ретранслируется (опять через старших сыновей) маркер правящего рода — *кият*, закрепившийся за Чингис-ханом и его потомками [Крадин, Скрынникова 2006: 164]. Анализируя сведения Рашид-аддина, Т. Д. Скрынникова приходит к выводу

²Реликты верований, связанных с почитанием медведя, сохранялись у монгольских народов длительное время, и продолжают бытовать и в настоящее время среди калмыков [Бакаева 2011].

о том, что отведение *киятам* лидирующей роли в составе родов *дарлекин* наряду с *нукузами* (равных, но все же стоявших на втором месте) означает попытку перекодировки этнической принадлежности и отнесения к понятию *коренные монголы* групп, прежде к ним не принадлежавших [Крадин, Скрынникова 2006: 167]; автор «Сборника летописей» использовал терминологию, согласно которой в именах прапредков Борте Чино и Хоай (Гоа) Марал закодировано деление монголов на две группы (нукуз–кият), тотемами которых были волк и олень. «Учитывая взаимосочетаемость этнонимов чинос, нукуз и тайджиут, можно говорить, что это кодирует известную двусоставность прибывших в Трехречье тайджиутов — монголов. <...> термины (*тайджиут*–*нукуз*–*чино*–*борджигин*–*Бортэ-Чино* — воинский союз волков и *кият*–*монгол*–*Гоа-Марал* — воинский союз медведей) и анализ их взаимосвязи демонстрируют дуальную структуру властвующей элиты» [Крадин, Скрынникова 2006: 196].

Таким образом, в историографии поставлен вопрос о возможной взаимосвязи ранней этнической общности монголов с тотемическими верованиями. К сожалению, в рецензируемой монографии Б. Р. Зориктуева не анализируется данная точка зрения.

Второй блок вопросов, освещаемых в монографии, связан со следующим этапом этнической истории предков монголов, переселившихся на территорию современной Монголии, по мнению автора, на рубеже VIII – XIX вв. Б. Р. Зориктуев обоснованно подвергает критике точку зрения, согласно которой в XII в. существовало государство Хамаг монгол улус, и доказывает, что до прихода к власти Чингис-хана полития имела форму вождества, как и другие протогосударственные образования найманов, керейтов, меркитов и татар. Соответственно в рамках избранной методологии исследования автор приходит к выводу, что вождеству соответствовали как исторические формы этнической общности племя или соплеменность. Только с образованием монгольского государства (после 1206 г.), считает автор, произошло становление монгольского суперэтноса, из которого впоследствии выделились в процессе противопоставления и выделения отдельных групп разные этносы. Под суперэтносом при этом понимается этническая система, состоящая из нескольких этносов, единство которой проявляется в

наличии общей ментальности, выполняющей консолидирующую роль, проявляющейся в идейно-религиозной и культурной целостности. В качестве основных объединяющих признаков рассматриваются наличие общего названия *монгол*, шаманских верований, а также единого свода законов («Великой Ясы»), способствовавшего закреплению «идейно-нравственной и культурной целостности». Не вдаваясь в теоретические дискуссии по поводу понятия суперэтнос, введенного Л. Н. Гумилевым, отметим, что его использование для исследования не является принципиальным, так как основные выводы автора рецензируемой монографии относительно сложения единых культурных форм, проникавших в среду родственных этносов, изменений, происходивших в материальной культуре, в обычаях, имеют самостоятельное значение. Централизация управления не могла не отразиться на трансформационных процессах, затронувших все сферы общества. Следует признать правоту автора, освещающего этнокультурные изменения в монгольском обществе, происходившие в едином государстве. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на относительность выделяемого автором такого критерия общности культуры, как шаманизм. Б. Р. Зориктуев, характеризуя шаманизм монголов XIII – XIV вв., освещает верования, связанные с почитанием Неба, Земли, духов — в сущности, речь идет о сходстве элементов духовной культуры родственных народов. В научной литературе такое понимание шаманизма, включающее разнообразные формы ранних верований, является довольно распространенным явлением. Однако представляется более обоснованным выделение шаманства/шаманизма как особой формы верований, характеризуемых рядом признаков. По данному вопросу имеется большой круг литературы: в этнологическом религиоведении теоретические проблемы исследования шаманства/шаманизма являются довольно разработанными [Бакаева 2003; Булатов 2004; Бурыкин 2007; Харитонов 2006; Функ 2005; и др.]. Необходимо учитывать также, что исследователи разделяют понятия белого и черного шаманства, хотя критерии при этом выдвигают различные [Дугаров 1991; Скрынникова 2002; Харитонов 2004].

Кроме того, отметим, что принятие термина *монгол* в качестве политонима не могло означать полную унификацию культуры,

тем более что приводимые сведения об изменениях в жилище, одежде монголов этого периода относятся именно к монгольской культуре, тогда как у ряда этнических общностей сохранялась специфика в данных сферах. Потому вывод автора о том, что после покорения монголами ойраты к своему имени стали прибавлять слово *монгол* и у случае надобности называть себя не ойратами, а ойрат-монголами» [Зориктуев 2011: 91], не представляется доказанным, так как сведений об этом факте по отношению к исследуемому периоду не приводится. Об этом свидетельствуют и данные Б. Р. Зориктуева, завершающего главу об очередном этапе развития монгольской этнической общности периодом раздробленности после крушения династии Юань, когда произошло сложение современных монголоязычных этносов.

Весьма содержательной, новаторской является часть монографии, посвященная характеристике этапов сложения бурятского народа и трансформации этнонима, обозначающего общности предков бурят в различные периоды. Обращая внимание на тот факт, что в ранних письменных источниках этноним *бурят* отсутствует, а упоминается топоним *бурят*, Б. Р. Зориктуев доказывает, что сложение бурятской народности происходило в два этапа, причем центр формирования этноса вначале локализовался в Предбайкалье, а затем в Забайкалье. Начало этнической истории протобурят он связывает с бытованием этнонима *бурат* и сложением в Предбайкалье этнической общности «лесного народа». В последующем, считает автор, произошла трансформация общности *бурат*, а ее название получило форму *бурэт*. До конца XVII в., по мнению Б. Р. Зориктуева, этнические процессы локализовались в Предбайкалье, а с начала XVIII в. они переносятся и в на территорию Забайкалья. С 40-х гг. XVIII в. этноним *бурэт* стал приобретать в Забайкалье форму *бурят*, впоследствии принятию нового самоназвания способствовали присоединение к России и ведение единой документации, в которой русскими чиновниками использовался термин *бурят*. Таким образом, автор с позиций современной этнологической науки, комплексно анализируя источники, исследует этническую историю бурятского народа и выделяет главные этапы формирования этноса, которым соответствуют разные варианты этнонима.

Монография Б. Р. Зориктуева является цельным, новаторским исследованием, выполненным на высоком теоретическом уровне. Материалы, введенные в научный оборот, прежде всего, данные полевых экспедиций придают труду особую ценность. Выводы автора, касающиеся датировки раннего («эргунэ-кунского») этапа истории монголов и локализации территории расселения предков монголов, являются убедительными. Б. Р. Зориктуев основывается на широком круге источников, неоднократно исследованных и другими авторами, но пересмотренных в рецензируемой работе. Комплексный подход к их анализу позволил автору провести фундаментальное исследование, вызывающее глубокий интерес.

Как в любой серьезной работе, в монографии Б. Р. Зориктуева встречаются отдельные недочеты. Однако они не только не снижают общего высокого уровня, но и подчеркивают актуальность исследования, предпринятого в отношении ключевых проблем этнической истории монгольских народов. Вопросы, которые затрагивает автор, исследуются в работах специалистов в разных областях; в последние годы появляется все больше трудов по данной тематике. Так, для рецензируемой монографии могут быть весьма актуальными выводы, сделанные в недавно вышедших в свет монографиях В. И. Рассадина, в которых известный лингвист освещает вопросы истории сложения тюрко-монгольской языковой общности [Рассадин 2007; 2008]; исследования в области популяционной генетики, и др. Актуальные исследования всегда имеют проблемный характер и требуют дальнейшей разработки. В этом смысле монография Б. Р. Зориктуева является фундаментом для последующих трудов в области исследования проблем этнической истории монголоязычных народов.

Книга Б. Р. Зориктуева посвящена классической в этнологии теме — этнической истории народа. Проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на проблемы происхождения монголоязычных народов, в частности на ранний этап истории монголов. Значимость данного труда доктора исторических наук, главного научного сотрудника отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б. Р. Зориктуева для развития востоковедческой науки оценена присуждением ему Государственной премии Республики Буря-

тия в области науки и техники в номинации «Гуманитарные науки».

Литература

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Бакаева Э. П. К проблеме типологии культур народов севера Евразии (на примере календарной традиции калмыков) // Историко-культурное и межэтническое единство Юга России. Мат-лы науч.-практ. конф. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 6–13.
- Бакаева Э. П. Проблема прародины этнических предков калмыков (по материалам добуддийских верований) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. №1. С. 204–211.
- Бертагаев Т. А. Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум // Филология и история монгольских народов. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 173–174.
- Билэгт Л. Гипотеза о времени ухода монголов в Эргунэ-кун // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 106–112.
- Булатов А. О. Формы шаманско-магической практики у народов Дагестана в конце XIX–XX вв. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2004. 144 с.
- Бурякин А. А. Шаманы. Те, кому служат духи. СПб.: Азбука-классика, Петербург. Востоковед., 2007. 288 с.
- Буряты. Серия «Народы и культуры» М.: Наука, 2004.
- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН 2005. 202 с.
- Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). М.; Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. 299 с.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. М.: Наука, 1991. 297 с.
- Дугаров Д. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.

- Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
- Зориктуев Б. Р.* О происхождении и семантике этнонима бурят // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ, 1996. С. 8–31.
- Зориктуев Б. Р.* Об эргунэ-кунском периоде монгольской истории // Монголоведение. № 3. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 155–168.
- Зориктуев Б. Р.* Прибайкалье в середине VI – начале XVII вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 103 с.
- Зориктуев Б. Р.* Реконструкция начального этапа ранней истории монголов // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 41–57.
- Зориктуев Б. Р.* Эволюция этнонима бурят в контексте процесса образования бурятской народности // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2011а. С. 221–224. Калмыки. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
- Коновалов П. Б.* К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 5–29.
- Коновалов П. Б.* Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
- Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.) Иркутск: Изд-во Иркутск. межрегион. ин-та обществ. наук, 2005. 159 с.
- Нимаев Д. Д.* Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 169 с.
- Нимаев Д. Д.* Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 190 с.
- Павлинская Л. Р.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII – XIX вв.) СПб.: Европейский дом, 2008. 256 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 165 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с.
- Санчилов В. П.* «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 136 с.
- Санчилов В. П.* Формирование этнической общности ойратов — предков калмыков // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 12–35.
- Скрынникова Т. Д.* Белый шаман в центрально-азиатской традиции // Этническая культура: история и современность. Серия «Сибирь: этносы и культуры». Вып. 7. М.; Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2002. С. 92–106.
- Очиров У. Б.* Формирование калмыцкого этноса // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 35–47.
- Очир А.* Монголын ойрадуудын түүхйн товч. Улаанбаатар: [б.и.], 1993. 94 х.
- Сүхбаатар Г.* Сяньби. Улаанбаатар: [б.и.], 1971. 217 х.
- Очиров У. Б.* Расселение и этнический состав в XVII–XX веках // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 47–61.
- Функ Д. А.* Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.
- Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.
- Харитонова В. И.* Шаманы и шаманисты: некоторые теоретические аспекты изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 99–118.
- Эрдниев У. Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.